

Но сейчас он ещё не поступил на военную службу, ещё не прошёл с Линь Цзинем огонь и воду, и такое обращение с его стороны прозвучало несколько неожиданно.

Линь Цзинь тоже выпалил это сгоряча. Раз Цэнь Цзибай называл его «Саньгэ», значит, он считает его младшим братом, вот и он будет обращаться к нему так же близко, как к «Сяо Сюню».

Увидев, как Цэнь Цзибай послушно оставил Сун Сяоси и подошёл, он остался доволен. А на взгляды окружающих ему было наплевать. Даже Сун Сяоси теперь казался ему чуть менее противным.

Тут же Цэнь Цзибай заметил Цзян Пина и ещё нескольких юношей, ровесников Линь Цзиня, — видимо, его однокашников.

Цзян Пин тоже его увидел и тут же окликнул:

— Эй! Тебя зовут Сяо Чу? А откуда ты меня знаешь...

— В Чжоу, это Его Высочество, третий принц, — поспешил пояснить Линь Ду.

Линь Цзинь может позволить себе дурачиться, но если к нему присоединится ещё кто-то, ему, больному, не выдержать.

Линь Сюнь не помнил, рассказывал ли он Цэнь Цзибаю о Цзян Пине. Сейчас он помнил лишь одно: Сун Сяоси снова оказался на его территории.

Линь Сюнь громко провозгласил:

— Сяо Сяо, покажи-ка, все ли у тебя зубки выросли?

Сун Сяоси тут же разревелся.

Линь Сюнь одним махом задел две его больные точки: вечно отсутствующий зуб и прозвище «Сяо Сяо».

Сун Сяоси любил, когда его называют по взрослому имени «Синчэнь». Линь Сюнь, как нарочно, выдернул из его детского имени иероглиф «сяо» и обозвал его «Сяо Сяо», что звучало как «малюсенький», и это Сун Сяоси жутко не нравилось.

Собственно, Линь Сюнь именно так его и звал.

Он не то чтобы сильно не любил Сун Сяоси, но обожал дразнить его по мелочам, выводя из себя.

Встречая Сун Сяоси во дворце, он то и дело дразнил его «Сяо Сяо», доводя до слёз. А доведя до слёз, принимался утешать, и стоило тому развеселиться, как Линь Сюнь снова принимался его дразнить.

Сун Сяоси, когда злился, старался его избегать. Но Линь Сюнь был мастером не только на то, чтобы кого-нибудь найти, но и на то, чтобы утешить. Где бы они ни находились, то и дело раздавался громкий плач или же счастливый смех Сун Сяоси, и все к этому давно привыкли.

Лишь госпожа Линь, едва замечая, что Сун Сяоси расстроен, принималась отчитывать Линь Сюня и даже ставила его в угол. Линь Сюнь с детства был избалован матерью, но с появлением

Сун Сяоси его положение в доме неуклонно падало, и он искал любую возможность насолить новому любимчику.

В тот вечер пир устроили в саду. Линь Сюнь, неизвестно где раздобыв мохнатую гусеницу, принялся размахивать ею перед Сун Сяоси, пока тот не взвизгнул, не вцепился в госпожу Линь и не залился слезами.

Госпожа Линь тоже принялась плакать, приговаривая, как же она не родила вовремя дочку, и чем больше говорила, тем сильнее злилась на этого негодного сына. В доме воцарился переполох.

Великий маршал уехал в лагерь Чаншуй обучать войска, старший брат Линь нёс службу на северных землях, второй брат Линь, как обычно, не имел никакого авторитета и не мог усмирить домашних. Он пытался успокоить мать, потом младшего брата, потом Сун Сяоси, но без толку.

В конце концов Линь Сюнь сам отправился стоять на коленях в родовом храме, и в доме наконец воцарилась тишина.

Наступил праздник Дуанью, и, как полагается, во дворце устроили пир.

Поскольку ранее госпожа Юй проявила добродетель, сократив свои расходы, да ещё и поплакалась отцу, старому правителю Юй, о тяготах царства Ся, тот одолжил им зерна. И наказание Цэнь Цюхэ сняли.

Цэнь Цзибай полагал, что тот теперь поумерит пыл, но, выйдя из-под домашнего ареста, старший брат стал только наглее.

Видимо, он считал, что с поддержкой царства Юй правитель Ся рано или поздно назначит его наследным принцем.

Цэнь Цзибай делал вид, что не замечает его. В этой жизни он не даст Цэнь Цюхэ ни шанса на мятеж.

Пир был в самом разгаре, когда Линь Цзинь, сидевший по диагонали, подмигнул Цэнь Цзибаю и первым вышел из зала в сад.

Цэнь Цзибай видел, что госпожа Чжоу занята угождением правителю Ся, а Сун Сяоси беседует с Сун Чжияо, и тоже вышел.

Летом дни длинные, и ещё не стемнело. Но в саду, среди искусственных скал и зарослей деревьев, в извилистых аллеях, Цэнь Цзибай и вправду не знал, куда подевался Линь Цзинь.

Он уже начал искать, как вдруг услышал за спиной лёгкий шорох. Не разбираясь, кто там, он резко развернулся, прижал незваного гостя к каменной стене и обездвигил.

И лишь тогда разглядел, что это Линь Цзинь.

Линь Цзинь не удалось его напугать, зато сам он оказался крепко прижат к скале. Цэнь Цзибай поспешил ослабить хватку.

— Я тебя не ушиб?

— Очень больно, — проворчал Линь Цзинь, не ожидавший, что боевые навыки Цэнь Цзибая

окажутся лучше его собственных. Он с досадой покосился на него. — Очень-очень больно.

Цэнь Цзибай понимал, что Линь Цзинь дурачится, но всё же боялся его поранить.

— Дай посмотреть, приподними одежду...

— О-о, неужто мой младший братец? — из-за скалы неожиданно возник Цэнь Цюэхэ и ехидно протянул:

— А я думал, это две распалённые собаки устроили случку... Младший братец, ну и уродца же ты себе присмотрел... Ты...

Лицо Цэнь Цзибая мгновенно потемнело, от него повеяло леденящим холодом. Цэнь Цюэхэ не успел договорить, как язык у него прилип к гортани.

— Сяо Чу? — Линь Цзинь тоже слегка опешил от пережившегося Цэнь Цзибая. Он ухватил его за руку и слегка потряс.

Цэнь Цзибай очнулся, бросил на Цэнь Цюэхэ тяжёлый взгляд и с насмешкой произнёс:

— В глазах старшего брата, разумеется, лишь молодой господин Утун может слыть красавцем.

Сказав это, он увёл Линь Цзиня прочь. Останься он здесь, он бы, как и Линь Сюнь, пустил в ход кулаки. А уж если бы Цэнь Цюэхэ попал к нему в руки, живым бы тот не вышел.

— Ты... — Цэнь Цюэхэ остался стоять сзади, не в силах понять, бесится он или боится, и не мог вымолвить ни слова.

Цэнь Цзибай увёл Линь Цзиня к большому камню на берегу озера Парной Обители.

При свете фонарей, что уже зажгли слуги у озера, Линь Цзинь видел, как лицо Цэнь Цзибая вновь стало безмятежным и детским — совсем не таким, как минуту назад, и всё же это был тот же человек. Линь Цзинь выдавил слабую улыбку.

— Не сердись, он просто городит чушь.

— Чушь городит, — Цэнь Цзибай и вправду разъярился.

В прошлой жизни Линь Цзинь уже выслушивал оскорбления от Цэнь Цюэхэ. Он думал, что в этот раз, в праздник Первой ночи, предотвратил их, но на пиру в честь Дуанью это повторилось.

Увидев, как Линь Цзинь поник, он поспешил добавить:

— Ты красивей всех, этот урод просто слеп!

Линь Цзинь на мгновение замер, внезапно осознав, что Цэнь Цзибай разозлился не из-за того, что Цэнь Цюэхэ оскорбил их мнимую связь, а из-за того, что назвал его уродливым. Его тронуло это, и он почувствовал странное облегчение, но...

Он медленно провёл рукой по маске. Цэнь Цзибай сказал, что он красив, что никто с ним не сравнится. Это было чересчур странно.

— Сейчас я... очень неказист...

— Неправда! — резко возразил Цэнь Цзибай. — Красив!

— Не надо меня утешать, ты же не видел, что под маской... — Будь это просто некрасиво... Но три грубых длинных шрама делали его лицо пугающим. Поэтому он и носил маску — чтобы не пугать людей.

Но для Цэнь Цзибая, прожившего две жизни, эти слова Линь Цзиня отдавались глубочайшим укором. Если бы он успел раньше, если бы действовал быстрее...

Линь Цзинь, видя, что Цэнь Цзибай замолчал, решил, что и тот считает его уродливым. Хоть это и было естественно, на душе у него стало тоскливо. Рассердившись, что Цэнь Цзибай только что пускался в пустые утешения, он повернулся, чтобы вернуться на пир.

Цэнь Цзибай в панике ухватил его за руку и горячо выпалил:

— Я же сказал, не урод. Ты на свете всех краше! Кто посмеет говорить иначе — я с ним разберусь!

— ...Давай сначала сходим в Императорскую медицинскую академию, — Цэнь Цзибай заставил себя успокоиться.

Он не видел, как отреагировал на его слова Линь Цзинь, стоявший к нему спиной, но понимал, что переборщил.

Как и говорил Линь Сюнь, лицо Линь Цзиня и вправду изменилось, и этого уже не поправить. Даже если он будет твердить, что тот красив, Линь Цзинь ему не поверит.

Но это были слова, которые он хотел сказать Линь Цзиню в прошлой жизни, слова, которые он хотел шептать на ухо своему возлюбленному. В прошлой жизни у него не было возможности, да он и не думал, что станет говорить такую «ложь», в которую никто не поверит... Но это была его правда.

В его сердце Линь Цзинь, даже став уродливым, оставался прекрасным, и никто на свете не мог с ним сравниться.

Просто эти слова не следовало говорить нынешнему Линь Цзиню. Он не хотел, чтобы тот заподозрил неладное.

<http://bllate.org/book/15933/1423953>